

Бабай

— Странный он какой-то! Прямо пугает меня, Петровна! Вечерась иду, значит, вечером от дочки, а он стоит.

— Где?

— Да у калитки Марьиной. Стоит и смотрит.

— Ну и что? Стоит, смотрит человек. Что тут странного?

— Ты бы видела, как он смотрит. Всю душу вынул, окаянный! Глазюки черные, страшные! Бешеные! Я аж чуть там и не осталась! Подхватила и бегом, пока не догнал меня!

— А он что, гнался за тобой, Ивановна?

— Да ты что! Типун тебе на язык! Если бы хоть шаг за мной сделал, я бы и жива не осталась. Так страшно мне стало! Принесла же нелегкая! Откуда он только взялся?

— Так Марьин дом купил. Вот и переехал.

— Как купил? А Марья?

— Ее дочка в город забрала. Сама же знаешь, она уже еле ходила. А дом... Кому нужна развалюха старая?

Вот Марья его и продала. Это ж не родовой, не родительский. Так и чего жалеть?

— И впрямь, нечего. Эту времянку муж Марья ставил, да потом так и не снес. Там ни удобств, ничего. Вон у Семеновны и то дом лучше. В прошлом году сын ванную сделал. Только Семеновна все жалуется, что неудобно. Старая уже ноги так задирать, чтобы туда залезть.

— Грех твоей Семеновне жаловаться. У нее вон внуков полный возок! Что, помочь некому?

— Помогают, куда ж деваться-то? Ты ж знаешь, какой сын у Семеновны! Чуть что — пойдут клочки по закоулочкам. Он за мать любому настучит и не поморщится. Хорошо, когда так-то... Не то что мои... Разлетелись кто куда и глаз не кажут.

— Что ты все жалуешься? Только ведь Светка твоя приезжала! Внука привозила, гостила сколько. Всю огородину тебе в порядок привела, а тебе все опять не так!

Вера Петровна укоризненно покачала головой и зарезала на лавке. Идти бы пора, да разве от Дуси так просто уйдешь? Самого главного-то она еще и не сказала. Всегда от печки пляшет. Поторопить, что ли? Так ведь нет. Опять начнет сначала. Уж лучше подождать, а то так до вечера и просидят. А она внуку пирог с капустой обещала, а это дело долгое.

— Слышь, Петровна, а он ведь пьющий.

— Кто?

— Да этот, который Марьяин дом купил. Бабай!

— Кто? — Вера так удивленно уставилась на подругу, что та покатила со смеху.

— Тебя что, в детстве Бабаем не пугали?

— Нет.

— А меня — пугали. Мамонька говорила: «Придет Бабай, заберет с собой, если баловаться будешь». Ох, и боялась же я его! Чуть чужого мужика на улице увижу, так сразу домой бегу — Бабай пришел! Мама моя все ругалась, что я девка уже взрослая, семи лет от роду, а все от Бабая этого прячусь. Потом перестала, конечно. А вот сейчас почему-то вспомнила. Этот мужик один в один — Бабай! И черный, и страшный, и смотрит так, словно худое задумал! Бабай и есть!

— Язва ты, Ивановна! Не зная человека, уж и кличку ему придумала! Разве так можно?

— Так я ж не на весь поселок кричу, а только тебе сказала! Почто ругаешься?

— Где я слышала, там и другие могли. Ладно, Ивановна, некогда мне тут с тобой. Пойду. Васятка из школы придет, а есть нечего.

— Иди! — Ивановна прищурилась от солнца, неожиданно вынырнувшего из-за тучи. — Вон тебе и солнышко в дорожку!

— И хорошо! С ним-то завсегда веселее.

Вера поняла, что от Евдокии сегодня ждать новостей больше не приходится, а значит, и делать на старой лавочке у магазина тоже уже нечего. Обычные хозяйственные хлопоты закрутили ее, завертели и не оставили даже минутки, чтобы подумать о том, что услышала. И только к вечеру она вспомнила о разговоре с подругой и, спохватившись, пошла на кухню. Достав

из буфета, сделанного еще отцом, банку меда, Вера отрезала кусок пирога и засобиравалась куда-то.

— Мам, ты куда это на ночь глядя? — Сима оторвалась от швейной машинки и подняла глаза.

— Скоро приду. Ты долго-то не сиди. Вредно это, вот так-то, в три погибели.

Сима улыбнулась, потянулась и погладила ладонями приличный уже животик:

— Mamочка, ты меня как маленькую бережешь. Третий уж. Ученая!

— Ученая-то ученая, а мать слушать оно тебе не мешает. Разве я тебе плохого посоветую?

Сима выбралась из-за машинки и подошла к Вере. Обняв ее, прижалась на мгновение щекой к щеке мамы.

— Никогда! Ты же моя родная!

Вера закрыла глаза на мгновение. Любимка... Младшенькая... Последышек... Только она ей в утешение и осталась.

Сын старший, Федор, далеко. В Мурманске живет с семьей. Приезжает редко, не чаще раза в год, да и то, если получится. Вера не винит, все понимает. Двое детей, жизнь не сладкая. Не наездишься...

А со средней дочкой отношения не сложились. Как отца не стало, так и пошли скандалы. Молодая была, гулять хотела. Вот и догулялась. Васятка теперь у Веры живет, а мать его непутевая незнамо где шатается... Сказала, что и ноги ее не будет в родном доме. А ведь Вера не ругалась с ней, не неволила. Сама так решила... Благо еще, что у Федора жена юрист. Помогла бумажки правильно на Васю оформить. А то Вера издергалась

вся: а ну как нагуляется, да и придет сына требовать? А чего мальчонку-то бередить? У него тут и школа, и семья, и друзей ворох. Пусть живет спокойно. А если с ней, Верой, что случится, так Сима с Геней его возьмут. Вася им родной. Сима его за старшего сына считает.

Младшенькую Вера родила уже на излете, в сорок шесть. Ох, и потешались над ней тогда бабы. Впору внуков нянчить, а она за дочкой сходила! И ведь правы были, чтоб их, охламонок! У Федора как раз старшая дочка родилась, а тут бабушка с пузом ходит. И помочь тогда не смогла толком с первой внучкой. Не до того было. Симочка болела много. Вера с ног сбилась. Возила в город, показала всем врачам, каких найти смогла. Выправилась девка. Вера нарадоваться на нее не могла. И учится хорошо, и уважительная, и помощница по хозяйству просто золотая. Все так было до той поры, пока не влюбилась Симочка в Кешку-паразита. Это не Вера так его назвала, но кличка эта, прилипшая к парню в поселке, была настолько верной, что никто его по-другому и не звал. Работать толком не хотел, мать не слушал, гулял напрапалую. Все это знали, и никто его всерьез не принимал. Кроме Симы... Чем только уlestил ее?! Как только угораздило девочку?! Сколько парней хороших в поселке, а она на этого ледащего глянула! Ведь ни кожи, ни рожи, а гонору как у генерала! Даже мать его, Варвара, Вере говорила:

— И чего Симочка в нем нашла? Ведь непутевый он! Нельзя так о своем дите, да только правда это. И девку твою мне жалко. Пропадет она с ним!

Только Симочка слушать никого не хотела. Что поделаешь — любовь у нее случилась. Ни Верины слезы, ни уговоры Варвары, даже разговоры с Федором, который срочно приехал к матери, и те не помогли! «Пойду замуж», и все! Вера тогда все глаза выплакала. А Кешка гоголем по поселку ходил — вон какая деваха по нему сохнет! Да только натура его поганая дала о себе знать. И перед самой свадьбой прибежала к Симе подружка ее, что жила по соседству с Варварой, да и шепнула, как Кешка с молодой женой агронома развлекается в сарайке. Сима тогда чуть с ума не съехала! Топиться надумала! Вера-то на работе была, не знала ничего, а из речки дочку ее достал сосед — Генка. Он Симочки на год младше был, все за ней бегал хвостиком. Любил пуще жизни, и все об этом знали. А тут любовь эту свою на деле доказал. Как увидел, что Сима к речке кинулась, веревку схватил, брата крикнул, и следом побежал. А там не побоялся. Сиганул за ней в прорубь...

Сима тогда в больнице долго лежала. Все в себя прийти не могла. Не понимала, почему с ней такое случилось. Чистая душа... Думала, что если сама хорошая и любит, то и все на свете хорошие...

Как вышла из больницы, Вера не узнавала ее. Куда только подевалась ее дочка-колокольчик... Не видно, не слышно, просто тень, да и только... И ничего не помогало... Ни то, что Гена с друзьями Кешку отметили и из поселка прогнали. Ни то, что агроном семью увез почти сразу после скандала. Ни то, что соседи ни словом, ни делом Симе любовь ее несчастную не поминали. Она все равно знала, что шепчутся по углам.

— Мне, мамочка, обидно не то, что говорят за спиной, а то, что жалеют. Это еще хуже...

— Что ж тут худого, доченька? На Руси исстари говорили, что жалеет — значит любит.

— Не нужна мне их жалость, мама. От нее только еще хуже делается... Нет любви, понимаешь? Нет ее!

— Как же нет-то? — Вера растерялась.

Если ее ребенок с такой горечью говорит об этом, то плохо все! Вот-вот жизнь под откос пойдет, и ничем она потом уже Симе не поможет. Мысли заплясали, не давая сосредоточиться и найти ту самую, правильную, которая остановит эту сумасшедшую пляску, разогнав думки по своим местам. Во дворе залаяла Жулька, Вера невольно глянула в окно и просияла. Вот же он! И далеко искать не надо! Все время рядом ходил ответ на все ее молитвы...

— Симочка, как же это ты говоришь, что любви не бывает? — Вера осторожно обняла дочь, чувствуя, как каменеют под ее руками плечи Симы. — Вон она! В живом виде рядом с тобой ходит! Гена себя не пожалел, за тобой кинулся. Не сдюжил бы, вслед за тобой бы и ушел. Ты говоришь — нет ее, любви-то... А это тогда что такое?

Сима тогда ее еще не услышала. А Вера не торопилась. Пусть сама решит, что ей надо.

Сима и решила. Только до того момента, как Гена стал Вере законным зятем, прошло почти пять лет. Сима и выучиться успела, и диплом получить.

Свадьбу гуляли в местной столовой, и туда набился чуть не весь поселок. Сима была похожа на только что

вошедшую в цвет яблоньку в своем свадебном платье, а Вера изревелась так, что Евдокия ее еле в себя привела. Даром что фельдшер.

От матери Сима уходить отказалась категорически, но Гена и не возражал. Перебрался к теще. Жили дружно, потому что делить им было нечего, а Вера на зятя и вовсе надыхаться не могла. Ведь жизнь ей вернул! Как же иначе...

Первые дети Симе дались так легко, что она только расцвела пуще прежнего. Сдав младшего на руки матери, вышла на работу, решив, что училась не зря и пора применять на практике то, чему ее учили в институте. Специалистом она оказалась до того въедливым, что уже год спустя, уйдя на пенсию, Ирина Михайловна, главный бухгалтер птицефабрики, порекомендовала Симу на свое место.

— И не ищите никого! Эта девочка тут порядок навела. Даже мои «хвосты» подчистила! Берите! Не прогадаете!

Работала Сима на совесть, но и о семье не забывала. Вася сначала шепотом, а потом уже и вслух, не стесняясь, стал звать ее матерью, а Вера не возражала, хоть и напоминала иногда, что настоящая мамка у мальчика тоже есть. Пусть знает, а то мало ли. Плохого она ничего о матери Васи не говорила, но и хорошего не придумывала. Зачем? Вырастет — сам разберется.

Третья беременность застала Симу врасплох. Она сначала обрадовалась было, а потом испугалась. Что-то шло не так, как раньше. С первыми детьми Сима не ходила, а летала. А сейчас... То в сон клонит, то тошнит сутками... Врачи ничего не говорят, только назначают

все какие-то витамины, мол, полезно ребенку... а Симе почему-то кажется, будто неладно что-то...

Вера к дочке присматривалась, но не тревожила. К чему? Если нервничать начнет — разве лучше будет? Сама же тихонько советовалась с Евдокией и заручилась согласием директора фабрики — если что, машина будет, а то мало ли... До города не близко, а скорую пока еще дождешься...

Про свой разговор с Евдокией Вера успела забыть напрочь, но через пару месяцев Вася напомнил ей о странном человеке, который поселился в поселке недавно, но уже успел стать поводом для пересудов.

— Бабань! А дядька этот, что бабы Манин дом купил — хороший!

— Чего это ты про него вспомнил, Васятка?

— А мы сегодня с ребятами из школы шли, а он у Тришкиных на крыше сидит.

— Чего он там делал?

— Так крышу чинил!

Вера даже бросила тесто месить, когда это услышала. Наташка Тришкина была первой на поселке гулевой. Мать четверых детей, отцов которых никто и не знал, она почти всегда была «пьяненькой и веселенькой», как сама про себя говорила. Бутылку в сторону отставляла только тогда, когда узнавала, что ждет очередного ребенка. Тут Наталья объявляла, что берется за ум и держала свое слово до самых родов, не беря в рот даже капли спиртного. Зато потом снова срывалась и все начиналось сначала — пьянки, гулянки, кавалеры... И никто не мог ее остановить, да и не силь-

но-то пытался. Но, надо отдать должное, гуляя, Наталья про детей своих никогда не забывала. Днем — мать, вечером — гулена. Вот и куда такое? Соседи давно махнули рукой на Наташку. Чего волноваться, если детки чистенькие, ухоженные, не голодные. А что там их мать творит — так это ее дело. Пусть живет как хочет, лишь бы дети в порядке были.

Наташка работала на той же птицефабрике, что и Сима, только простой птичницей. Денег у нее отродясь не водилось, а помогать ей просто так соседки своим мужьям строго-настрога запретили. А то мало ли! Гадай потом, от кого у Натальи еще один младенец! Поэтому, когда в хозяйстве случалась какая-то беда, бежать Наташке было некуда. Даже нанять кого-то в поселке она не могла, потому что мужики были наперечет, а за молодых парней матери бы лишили Наталью остатков когда-то роскошной шевелюры. Помогал ей только дед Илья. Но с тех пор, как осенью он неудачно сломал ногу, помощник из него стал и вовсе никудышный.

Что крыша у Натальи прохудилась — Вера знала. Только на днях ей сама Наташка и жаловалась. Но Вера, ругая себя за черствость, Гене все-таки ничего не сказала. Сима на сносях, а тут непонятно, как оно будет. Мало ли! От греха, как говорится.

А оно вон как! Значит, нашелся помощник. Вот и хорошо! Вера повеселела.

С Петром она уже успела познакомиться.

Евдокии рассказывать Вера не стала, как перед тем самым разговором на лавочке у магазина угрюмый черноглазый мужчина, которого подруга нарекла Бабаем,

помог ей с тяжелыми сумками. Вера тогда, возвращаясь из города, вышла из автобуса и подвернула ногу. Боль прострелила лодыжку так, что в глазах у Веры потемнело, а земля качнулась навстречу, готовясь принять на себя весь ее немалый вес. Крепкая рука ухватила Веру за локоть, не давая упасть, и хриплый незнакомый голос спросил:

— Ступить на ногу можете?

Вера, попробовав встать на всю стопу, взвыла от боли и почувствовала, как ее обхватили по тем местам, где в далекой молодости была талия, а потом раздалась команда:

— Поковыляли, болезная! Провожу тебя до дома.

Автобус был последний, поэтому на улице никого уже не было. В сумерках они дошли до Веринаго дома, и там Петр оставил ее на лавочке, стукнув в калитку. На вопрос, напоить ли его чаем, ответил, что сыт. А потом помахал рукой на прощание и ушел.

Вера только позже, когда уже сидела в своем любимом кресле, с перевязанной эластичным бинтом ногой, поняла, что не поблагодарила его. Как только отек чуть спал, она наведалась к своему «спасителю» с подношением в виде фирменного пирога с капустой и банкой меда с пасеки деда Ильи.

Петр, увидев ее, виду, что рад, не показал, но чайник поставил и за гостинцы сдержанно поблагодарил.

Тогда-то Вера и поняла, что Евдокия ох как неправа насчет нового жильца Марьиного дома.

Не пил Петр. Но и спокойным не был. Вера гадала, что могло случиться у него в жизни, но спросить так и не решилась.

В доме у него было чисто, хоть и неуютно. Но когда мужик умел сам уют-то навести? Полы вымыты, и то ладно! Присмотревшись, Вера поняла, что живет Петр один, никого не привечает, потому что нигде не было даже намека на то, что в доме бывает женщина. Только не одна она по сторонам внимательно поглядывала. Петр, усмехнувшись, поставил перед ней кружку с чаем и спросил:

— Что, Вера Петровна, гадаешь, один я аль нет?

— А что тут гадать-то? Я и сама вижу. Нет у тебя никого. Один живешь.

— Права ты. Глазастая.

— Если бы! Глаза-то уж не те. Еще год назад нитку в иголку сама легко вдеть могла, а теперь Васятка помогает. А к машинке швейной и вовсе не подхожу. Со всем плохо видеть стала.

— Надо тебе в город к врачу съездить. Очки выпишут или еще что.

— Была я. Сказали, что операцию делать надо. А я боюсь.

— Чего же?

— Мало ли. А ну как совсем слепая останусь?

— Так у тебя же родня есть. Помогут, если что.

— Они-то помогут... Только, понимаешь, Петя, не хочу я у дочери на шее обузой висеть. Она молодая еще, детки малые... Пусть дышит. А я уж как-нибудь. Только бы ей полегче было.

— Хорошая ты мать, Вера Петровна. Да только дочка твоя вряд ли с тобой согласится. Тебе врач что сказал? Дай угадаю! Если операцию не сделаешь, то год-два и будешь хуже крота видеть, так?

— Откуда знаешь?

— Нехитрая наука. Вот и подумай! То ли ты сейчас операцию сделаешь и будет шанс остаться при зрении, то ли через пару лет той же обузой на шею дочки и сядешь.

Объяснение это в своей простоте так поразило Веру, что она задумалась. А через неделю собралась, никому ничего не сказав, да и укатила в город к сестре. Операция прошла успешно, и Вера снова смогла не только вдвять нитку в иголку, но и выгнала из-за машинки Симу, а потом принялась сама строчить белье и пеленки для ребенка.

С Петром они раскланивались как старые знакомые каждый раз, когда встречались на улице, но близко не общались. Вере некогда было, да и Петр незаметно для всех прикипел ко двору Натальи, которая странно остепенилась с его появлением, разогнала своих бывших «кавалеров» и решила, что ей достаточно веселой жизни. Соседки одобрительно кивали, прикусив языки и сердито шикая друг на друга каждый раз, когда кому-то из них приходила в голову затея посплетничать на эту тему. Не буди лихо...

Дети Наташки ходили за Петром хвостом, называя его папой чуть не с первых дней знакомства. Сима, увидев как-то эту картину, рассмеялась, а потом рассказала матери:

— Представляешь, мам, как галчата вокруг него скажут и кричат — папа, папа. А он... Мам, я никогда такого светлого лица у человека не видела. Только у тебя, когда ты на Васю смотришь, да у Гены. Он их любит, мам... Чужих детишек...

— Тебя это удивляет?

— Наверное, да. Почему вот так выходит? Кто-то чужих любит, а кто-то своих не жалует... Почему так, мама?

— Кто бы знал, дочка... может быть, это потому, что кому-то дар этот — любить — дается, а кто-то пустой на свет появляется. И как ни пытайся заполнить эту пустоту, как ни старайся — не выйдет. Не дано человеку понимания. Вот и бьются возле таких людей близкие и родные, пытаются наполнить его теплом да светом, а не выходит. Потому что он как прорва ненасытная, сколько не влей — все мало. И не оценит никогда, и не поймет ничего. Только знаешь, что я тебе скажу?

— Что?

— Мне таких все равно жалко. Они ведь не знают, чего лишены. Не понимают. Живут всю жизнь как сорняк на дороге. Ни добра от них, ни пользы.

Сима задумалась о чем-то своем, помрачнела, а потом подняла глаза на мать:

— Mamочка, как не стать таким сорняком?

— Ты про себя, что ли? — Вера обняла дочь, погладив ее по голове. — Тебе такой не быть, даже если бы и захотела. Ты же весь мир обнять готова. А тот, кто своим сердцем делится с другими, и сам любить умеет. Не бывает по-другому.

Беда пришла, когда ее никто не ждал. Сима утром проснулась от того, что рядом прыгал по кровати младший сынишка:

— Мама, мама, я пришел!